

Широкий Михаил

Солнечный удар

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Широкий
Солнечный удар

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Широкий М.

Солнечный удар / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Существует ли любовь с первого взгляда? Да. Андрей убедился в этом на собственном опыте, увидев накануне выпускного Олю и сразу же влюбившись в неё без памяти. Он даже представить себе не мог, что следующая встреча с нею станет самым пронзительным и страшным моментом в его жизни. Содержит нецензурную брань.

Содержание

I	5
II	9
III	21
IV	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

I

Протяжно, с усилием вздохнув и издав горлом хрипловатый, придушенный звук, похожий на стон, Андрей открыл глаза, чуть приподнял голову с подушки и, видимо, ещё не совсем проснувшись, некоторое время немного ошеломлённо, будто не узнавая окружающей обстановки, оглядывался по сторонам.

Но остатки сна постепенно рассеялись, все расположенные вокруг предметы, хотя и в значительной мере скрадываемые наполнявшим комнату сумраком, были опознаны, и Андрей, окончательно убедившись, что он находится в своей спальне, в своей постели, а всё привидевшееся ему только что – не более чем не слишком приятный сон, – слегка усмехнулся, качнул головой и, опять уронив её на подушку, принялся восстанавливать в памяти своё странное, несколько мрачноватое сновидение.

Ему приснилось, что он купается в реке. Однако он не испытывал при этом тех ощущений, которые обычно переживал во время купания. А это почти всегда были удовольствие, лёгкое, неустойчивое напряжение в конечностях и порой какая-то беспричинная, детская радость, прямо-таки восторг, когда тело переполняет непередаваемое ощущение свежести и полноты жизни, когда в нём чувствуется неисчерпаемая, несокрушимая молодая сила, и хочется плыть всё дальше и дальше в сверкающей и переливающейся в солнечных лучах, тёплой, как парное молоко, нежно ласкающей и щекочущей кожу воде.

Но теперь всё было совершенно иначе, совсем не так, как обычно. Всё было с точностью до наоборот, как в кривом зеркале. Небо было низкое, мутное, грязновато-серое, без малейшего просвета и даже намёка на него; берега реки тонули в тусклой, непроницаемой дымке, и непонятно было, далеко они или близко; вода же, в которой он неизвестно как и зачем очутился, была холодной, тёмной, нечистой, как будто стоячей, и к тому же какой-то сгущённой, тягучей, вязкой, точно кисель, так что трудно было в ней двигаться, – каждое движение стоило ему немалых усилий и утомляло его всё больше.

Он ничего не понимал. Ни где он, ни как он тут оказался, ни что ему теперь делать. Он лишь недоумённо озирался вокруг в тщетных попытках различить хоть что-то в медленно клубившемся окрест молочно-белом тумане, плавно перетекавшем и сливавшемся наверху с затянувшимся небосвод плотным облачным слоем. И эта неясность и непонимание действовали угнетающе, рождали напряжение, тревогу, смутные опасения.

Однако не это было самое страшное. Нечто действительно пугающее и жуткое ждало его впереди. Он уже довольно долго беспомощно и бесцельно барахтался в тяжёлой, клейкой, до предела затруднявшей и сковывавшей движения воде и начинал выбиваться из сил, как вдруг почувствовал лёгкое холодное прикосновение к своей ноге. Он не придал этому особого значения, решив, что ему показалось. Но вскоре прикосновение повторилось, и на этот раз оно было более продолжительным и явственным, так что нельзя уже было думать, что это обман чувств, что ему просто почудилось.

Он тут же прекратил свои бесполезные, лишь обессиливавшие его телодвижения и почти неподвижно замер на поверхности воды, пытаясь понять, что всё это значит, и с растущим беспокоеством ожидая, что будет дальше. У него возникло предположение, что там, в глубине, под плотной, непроглядной толщей густой мутной воды скрывается что-то живое, грозное и враждебное ему, что вот-вот схватит его, ослабшего, беспомощного, неспособного оказать серьёзное сопротивление, а главное, не представляющего, с кем или с чем он имеет дело. Схватит и утащит на дно. В вечную темноту, в холод, в небытие...

И это предположение, к ужасу его, в следующее мгновение становится реальностью. Кто-то невидимый и неведомый, притаившийся в тёмной пучине, уже не касается, а с силой хватает

его за ноги и начинает тянуть вниз. Он на несколько секунд с головой уходит под воду, захлёбывается и неистово, с неизвестно откуда взявшейся силой двигает руками и ногами, извивается всем телом, чтобы как можно скорее, пока не стало слишком поздно, пока у него ещё есть силы, вырваться из рук таинственного подводного врага, глотнуть воздуха и попытаться спастись.

И это поначалу удаётся ему: он выдёргивает свои ноги из сжимавших их холодных, скользких, похожих на щупальца рук, всплывает на поверхность, выплёвывает несвежую горьковатую воду, которой успел наглотаться, и жадно, широко открытым ртом, как рыба, выброшенная на берег, вдыхает воздух. А затем, не медля ни секунды, в лихорадочном темпе двигая конечностями, начинает плыть к берегу, хотя и не видит как следует этого самого берега, затаенного зыбкой туманной пеленой, и не представляет себе, как он далёк и есть ли он вообще.

Но уплыть далеко у него не получается. Очень скоро вокруг его щиколоток вновь крепко смыкаются уже знакомые ему ледяные щупальцеобразные пальцы и опять увлекают его под воду. И он снова, захлёбываясь, задыхаясь и стремительно теряя последние силы, судорожно дёргается, бьётся, вырывается, отчаянно сопротивляясь загадочному, незримому – и оттого ещё более опасному и страшному – противнику.

Впрочем, не такому уж незримому: барахтаясь в воде и вращая вокруг себя расширенными, выпученными глазами, он смутно различает внизу, у себя под ногами, в темневшей там глубине, чьи-то неясные, бесформенные, едва уловимые очертания, крайне отдалённо, скорее как предположение, напоминающие контуры человеческого тела.

Новый, ещё больший приступ ужаса, охватывающий его при этом, придаёт ему сил, наличия которых он уже не подозревал в себе, и буквально выталкивает его на поверхность, во второй раз вырвав его из цепких рук подводного чудовища.

Однако этот прилив сил оказывается очень коротким и, очевидно, последним. Вынырнув, извергнув из себя отвратительную затхлую воду и с трудом отдышавшись, он вновь, уже скорее машинально, чем осознанно, пытается плыть в сторону почти невидимого, едва угадываемого, словно ускользающего берега, но чувствует, что сил ни на это, ни на что другое у него уже нет. В глазах мутится и темнеет, голова тяжелеет, будто наливается свинцом, и еле держится над водой, руки и ноги немеют и двигаются всё медленнее и слабее, увязая в обволакивавшей их густой, незыблемой, мёртвой воде. И в результате, вместо того чтобы хоть понемножку, хоть чуть-чуть продвигаться к спасительному берегу, где его ждало избавление от угрожавшей ему смертельной опасности, таившейся в реке, его вконец изнемогшее, будто парализованное тело мало-помалу цепенеет, деревенеет и с головой погружается в воду, не в состоянии удерживаться наверху и вести неравную, безнадёжную, заранее обречённую на поражение борьбу с неведомым могучим врагом.

А враг этот между тем не дремлет. Он не спешит, не делает больше лишних движений, не хватает, как только что, свою жертву за ноги, а просто внимательно и зорко наблюдает за ней из глубины, по-видимому в твёрдой уверенности, что измождённый, выбившийся из сил пловец никуда не денется и, окончательно изнурённый, обездвиженный, неспособный даже к самому слабому отпору, вот-вот окажется в его ледяных смертоносных объятиях.

И Андрей, вновь очутившись под водой и устремив взор в её сумрачную глубину, как и в предыдущее своё погружение, замечает внизу, вероятно на дне или около него, те же, уже знакомые ему, неопределённые, едва различимые, как будто человекообразные очертания. Но только, в отличие от того, что было минуту назад, на этот раз даже неистовый, панический ужас, опять пронизавший его при виде такой близкой, зримой, непосредственной угрозы, от которой, похоже, уже не было спасения, не придаёт ему сил, не оживляет его онемелого, помертвевшего, не подчинявшегося ему больше тела, ещё кое-как державшегося у поверхности воды, но, очевидно, обречённого в конце концов – и, вероятно, очень скоро – камнем пойти ко дну, чтобы упокоиться там, в безбрежном мраке и холоде, навеки.

Однако не только вечный покой, холод и тьма ожидают его в водяной бездне. Есть там ещё кое-что, чьи смутные, размытые, чуть заметно шевелящиеся контуры он видит внизу, почти у своих ног, не в силах оторвать от них глаз, задыхаясь и цепенея не только от заполняющей его лёгкие воды, но и, прежде всего, от сковавшего его душу невыразимого, беспредельного, тоскливого страха, страха перед неизведанным, необъяснимым и неизбежным, притаившимся совсем рядом, под плотным покровом тёмной стыллой воды, и терпеливо подстерегающим свою добычу.

И вот, наконец, оно, видимо, решает, что подходящий момент настал, что жертва созрела, и, резко сорвавшись с места, устремляется вверх, навстречу облюбованному им беззащитному, сражённому неодолимой немощью, едва держащемуся на плаву телу.

Он видит, как загадочный, отдалённо смахивающий на человеческий, силуэт, за мгновение до этого спокойный, неподвижный, словно безжизненный, внезапно оживает, приходит в движение и лёгким, стремительным рывком бросается на него. И он, уже ни на что не способный, находящийся при последнем издыхании, понемногу теряющий сознание, может лишь наблюдать померкшими, остекленелыми, лишёнными всякого выражения глазами, как из сизой мглистой глубины на него быстро и неудержимо надвигается что-то гибкое, скользкое, белесое, всё более, по мере приближения, похожее на человека.

А ещё через пару секунд он видит, что это не просто человек. Это женщина! Когда она приближается к нему вплотную, он отчётливо, во всех подробностях различает её стройное, грациозное, сильное нагое тело, частично скрытое в беспорядке разметавшимися по плечам и ниспадающими ниже пояса густыми белокурыми, с лёгким зеленоватым отливом волосами. Подплыв к нему, она заглядывает в его глаза своими холодными, как лёд, пустыми, мёртвыми глазами, застывшими на таком же холодном, мертвенно бледном, без единой кровинки лице. И ему кажется, что в глаза ему глядит сама смерть!

Его сердце сжимается, замирает и почти останавливается, в глазах разливается тьма, око-стенелое, сведённое судорогой тело сотрясает дрожь, а из стеснённой груди вырывается глухой, сдавленный вскрик, или, вернее, стон. Узрев источник своих страхов воочию, оказавшись с ним лицом к лицу, заглянув в его тусклые, водянистые, неживые глаза и заметив протягивающиеся к нему длинные тонкие руки с растопыренными костлявыми пальцами и продолговатыми, заострёнными на концах синеватыми ногтями, он инстинктивно отстраняется и в отчаянном порыве, движимый неописуемым, животным ужасом, бросается вверх.

И, как ни странно, у него это получается. Каким-то невероятным образом его обмякшее, окаменелое, уже почти умершее и готовое пойти ко дну тело, словно повинувшись его страстному желанию во что бы то ни стало вырваться из убийственного водяного плена и избежать ледяных, смертельных объятий русалки, нежданно-негаданно взмывает на поверхность. И он, беспорядочно махая руками и баламутя вокруг себя воду, с искаженным лицом и вытаращенными глазами, выхаркивает тошнотворную горькую жидкость и судорожно, с жадностью, большими глотками хватая ртом воздух... И просыпается.

Положив руку под голову и медленно водя глазами по объятой сумраком комнате, лишь слегка озарённой проникавшими из-за окна бледными отблесками сиявшей на небе круглой серебристой луны, Андрей некоторое время перебирал в памяти этот необычный, причудливый сон, чувствуя, как по коже у него пробегает при этом мелкая дрожь, как если бы он всё ещё находился в неприятной мертвенной воде и смотрел в бесцветные стеклянные глаза ожившей утопленницы, обитавшей в тёмной речной заводи и пытавшейся увлечь туда, в свои владения, и его. Но не вышло, с улыбкой подумал он, широко зевая, потягиваясь и с удовольствием ощущая приятное тепло мягкой постели, составлявшее такой разительный контраст с холодом и мраком привидевшейся ему водяной бездне.

Однако, невзирая на яркость и мрачность сновидения, Андрей не слишком долго предавался воспоминаниям о нём. Понемногу его мысли переключились на более значительные и

актуальные события, происшедшие уже в реальной жизни, непосредственно его касавшиеся и оставившие в его памяти глубокий отпечаток. События, важность которых он, может быть, ещё не осознавал в полной мере, или, вернее, лишь начинал осознавать. События, случившиеся буквально на днях и обещавшие какие-то ещё неведомые ему, но, несомненно, серьёзные, возможно, судьбоносные перемены в его жизни.

II

Несколько дней назад Андрей окончил школу и находился теперь в немного шатком, неопределённом, как бы пограничном состоянии лёгкого, то пропадавшего, то опять возникшего волнения, беспокойства, смятения, иногда переходившего даже в некоторое возбуждение. Старый, устоявшийся, ставший за много лет привычным и комфортным образ жизни внезапно, в один момент закончился. Стабильный, уютный, почти домашний школьный мирок рухнул, как карточный домик, разлетелся в прах, в одночасье слинял. Хорошо знакомые – порой до боли знакомые – лица вдруг исчезли, пропали из поля зрения, расплылись и растаяли в серой, мутноватой дымке прошлого. Пусть совсем недалёкого, бывшего ещё вчера настоящим, но всё-таки уже прошлого. Невозвратимого и неуловимого, как само время.

Впрочем, Андрей ни о чём не жалел. Школа давно уже наскучила и приелась ему, тяготила и раздражала его своим однообразием и рутинной, ставшими за много лет невыносимыми, ограничивала и сковывала, как он полагал, его молодые, неуёмные, рвавшиеся наружу силы, которым он рассчитывал найти более достойное и плодотворное применение. Причём в самое ближайшее время. Правда, он ещё не знал, даже приблизительно, что это будет за применение, чем именно он займётся после школы, – планы его в этом отношении были столь же амбициозны, сколь и туманны, – но ни секунды не сомневался, что избранное им поприще будет блестяще и поистине грандиозно. Ведь иначе и быть не может. Он всегда знал, чувствовал, предвидел, что рождён для чего-то выдающегося, незаурядного, выходящего из ряда вон, что обязательно станет известно всем вокруг и обессмертит его имя... ну если не в веках, то хотя бы в его время. А простая, обычная, монотонная и неприметная жизнь, какую ведут окружающие, в том числе его родные и знакомые, – это не для него. Он выше этого, он предназначен для другого, он может – а раз может, значит, обязан – добиться своего. Того, что частенько виделось ему в размытых, туманных, эфемерных мечтаниях, возникавших у него время от времени и, несмотря на свою явную фантастичность и нереальность, представлявшегося ему несомненным, вполне достоверным и осуществимым. И лишь когда он заносился в своих фантазиях слишком уж высоко и самообман становился очевиден ему самому, он невольно и не без сожаления делал шаг назад, слегка обуздывал своё распалённое воображение и мягко и снисходительно усмехался над собой. А потом вновь принимался за старое...

Как бы то ни было, все эти дни, следовавшие за последним звонком, он пребывал в состоянии напряжённого, нетерпеливого ожидания чего-то большого, красивого, волнующего и неповторимого, совершенно непохожего и неизмеримо превосходящего всё, что было прежде, в его уже прошлой, школьной, детской, только-только окончившейся жизни. А в том, что впереди его ожидает что-то великолепное, чудесное, бесподобное, пусть пока что смутное и неоформленное, едва намеченное и неуловимое, допускающее множество различных оттенков, вариантов и комбинаций, но оттого ещё более привлекательное, манящее, интригующее и завораживающее, – в этом у него не было ни малейших сомнений.

Вновь, как и не раз до этого, увлечённый и немного взбудораженный этими мыслями, Андрей заворочался в постели, повернулся на бок и обратил взгляд за окно. Стояло раннее утро, и небо было ещё по-ночному чёрное и непроницаемое, лишь слегка подсвеченное редкими мерцающими звёздами, слабый блеск которых тонул в густом сиянии полной луны, в течение ночи медленно и величаво проплывшей по небосводу и теперь замершей на самом его краю, над крышами дальних домов. Андрей остановил на ней недвижимый, чуть затуманенный взор и постепенно отдался воспоминаниям о совсем недавнем прошлом – о своём последнем дне в школе и о том, что случилось сразу вслед за этим. О той неожиданной встрече, которая,

как он всё более отчётливо ощущал, предвещала какой-то крутой поворот в его жизни, всю важность и значение которого он только начинал осмысливать и чувствовать...

После небольшой полуофициальной церемонии на школьном дворе, состоявшей в основном из дежурных, повторявшихся из года в год почти дословно поздравлений и пожеланий из уст директора, завучей и военрука – хмурого немногословного подполковника, облачившегося ради такого торжественного случая в парадный мундир цвета морской волны и произнёсшего короткую, но по-военному чёткую и энергичную речь, адресованную прежде всего парням, будущим защитникам отечества, – выпускники весёлой галдящей гурьбой, очевидно не слишком взволнованные или тем паче расстроенные расставанием с родной школой, направились к расположенной поблизости центральной городской площади, куда в это же время стекались выпускники со всего города. И через полчаса, когда все собрались, вся эта пёстрая, волнуемая, как речная зыбь, не стихавшая ни на миг людская масса, разбившись на группы, перед каждой из которых высилось древко с номером школы, в сопровождении духового оркестра и двух милицейских машин, одна из которых возглавляла шествие, а другая замыкала его, двинулась к ледовому дворцу, где должно было состояться уже вполне официальное праздничное мероприятие с участием представителей городских властей и какой-то шишки из министерства образования.

Андрей с особенным удовольствием вспоминал этот яркий, шумный, эффектный проход по улицам города длинной, многолюдной школьной процессии, на которую трудно было не обратить внимания. Прохожие замедляли шаг, а иные даже останавливались, чтобы получше рассмотреть нарядных, весёлых, ликующих парней и девушек; жители окрестных домов высывались из окон; водители притормаживали, пропуская, казалось, бесконечную, растянувшуюся на несколько кварталов колонну, и порой приветствовали её протяжными сигналами. Некоторые приветственно махали руками и иногда выкрикивали что-то, но что именно, невозможно было разобрать из-за немолчного многоголосого гомона, производившегося разгорячёнными, не сдерживавшими себя отставными учащимися и широкой бурной волной разливавшегося по округе по мере их продвижения вперёд.

Андрей шёл почти в самой середине шествия, вместе со своим классом, под знаком своей школы, в великолепном, приподнятом, немного возбуждённом настроении, почему-то твёрдо уверенный, что он находится не только в центре процессии, но и в центре всеобщего внимания. Самодовольство и самолюбование буквально распирали его. Он едва сдерживал так и просившуюся на лицо счастливую глуповато-восторженную улыбку, которая всё же нет-нет да и прорывалась наружу и озаряла его черты. Вместе со всеми он периодически громко выкрикивал номер своей школы и сразу же цепко озирался по сторонам, будто желая лишний раз удостовериться, смотрят ли на него окружающие, замечают ли его, выделяют ли его среди толпы. И ему казалось, – по-видимому, от слишком большого желания увидеть это, – что на него действительно гораздо чаще, чем на кого бы то ни было из шедших рядом с ним, устремлялись пристальные, заинтересованные, оценивающие, а порой, как ему временами чудилось, прямо-таки восхищённые взгляды и его одноклассниц, и девочек из других школ, и проходивших мимо и глядевших на колонну выпускников посторонних девушек и женщин. И это кажущееся, воображаемое, но для него в тот момент совершенно очевидное, не подлежащее никакому сомнению внимание к нему такого множества самых различных представительниц противоположного пола наполняло его сердце невыразимым, сладостным удовольствием, радостным трепетом и восторгом, придавало его поступи твёрдость и уверенность, заставляло его высоко вскидывать голову, гордо выпячивать грудь, плотоядно раздувать ноздри, снисходительно, с некоторым пренебрежением поглядывать на своих приятелей и, уже не сдерживая сияющей белозубой улыбки, вопить громче всех: «Двадцать седьмая! Ур-рааа!!!»

И вот, когда он с особенным пылом, напрягши голосовые связки до предела и перекрыв своим зычным окриком куда более скромные возгласы однокашников, озвучил эту нехитрую

речёвку в очередной раз и слегка охрипшим от напряжения, понемногу замирающим голосом упорно тянул победно-прощальное «ура», при этом по привычке зорко оглядываясь кругом в надежде вновь уловить якобы обращённые на него горящие женские взоры, – в этот самый момент голос его внезапно дрогнул и прервался, брови резко, будто в удивлении, приподнялись, а вспыхнувшие неожиданным вниманием и интересом глаза устремились в одну точку.

Этой точкой была девушка, шедшая в нескольких метрах впереди него и в процессе общего движения то и дело показывавшаяся из-за спин и голов тех, кто находился между ним и ею. Он мог бы заметить её и раньше, однако в течение всего предшествующего пути был так увлечён и упоён самим собой, что в упор не видел практически никого вокруг, даже свою собственную девушку Наташу, шагавшую рядом с ним, рука об руку, и по временам с мягкой томной улыбкой на полных пунцовых губах и таким же мягким, притушенным блеском в тёмных бархатных, чуть прищуренных глазах поглядывавшую на него.

Но он не обращал внимания ни на её взгляды, ни на неё саму. А едва лишь заметил двигавшуюся впереди незнакомку, присмотрелся к ней и был неожиданно и мощно поражён её необычной, неординарной, вроде бы неяркой и неброской, но при этом какой-то особой, невыразимой и несказанной красотой, он вообще позабыл о Наташином существовании. Всё его внимание без остатка поглотила неизвестная девушка, от которой, раз взглянув на неё, он уже не в силах был отвести пристального, понемногу разгоравшегося взора. И чем дольше он смотрел на неё, тем пронзительнее и напряжённее делался его взгляд, серьёзнее и пасмурнее становилось лицо, с которого вмиг сбежала осенявшая его только что дурашливая торжествующая улыбка, чаще и взволнованнее билось сердце и порой спирало дыхание. На него внезапно нахлынуло и заполнило его целиком что-то жгучее, будоражащее и тревожное, чего он не в силах был понять, чему не мог дать названия, так как испытывал подобное едва ли не впервые в жизни. Может быть, прежде и было нечто похожее, в какой-то мере напоминавшее то, что переживал он сейчас. Но только похожее, только напоминавшее, не более. Теперь было совсем другое. Особенное, непередаваемое, неизъяснимое. От чего спустя некоторое время он был уже как в тумане и с трудом соображал, где он, что с ним, куда и зачем он идёт.

Вскоре он не мог думать уже ни о чём, кроме захватившей его внимание незнакомки. Он забыл обо всём и обо всех на свете, он видел только её. Её правильный, изысканный, чеканный профиль, густые светлые волосы, блестящими выющимися прядями рассыпанные по плечам, большие, широко распахнутые серо-голубые глаза, смотревшие на всё вокруг со спокойной, чуть насмешливой сдержанностью уверенной в себе красоты, никого не отталкивавшие, не отторгавшие, но при этом словно державшие всех на почтительном расстоянии. Её стройную, подтянутую, безупречную фигуру, крепкую и в то же время хрупкую, лёгкую, пружинистую, чуть подрагивающую походку, свободные, плавные, закруглённые движения. Улыбка почти не покидала её лица, она часто и охотно смеялась, оживлённо переговаривалась со спутницами, была обаятельна, естественна, непринуждённа. От неё невозможно было оторвать глаз. И Андрей и не думал делать этого, глядя на неё как замороженный и чувствуя, как по его телу будто пробегают нервные токи, от которых оно то и дело вздрагивало и наполнялось палящим, обжигающим жаром, и приятным, и тягостным одновременно. И он уже сам не понимал, чего он хочет: то ему хотелось, чтобы эти мучительно-сладкие ощущения прекратились, то чтобы они продолжались и длились как можно дольше.

В конце концов случилось то, чего он ждал и страстно желал: словно почувствовав устремлённый на неё сзади настойчивый, неотрывный взор, она будто ненароком метнула через плечо беглый небрежный взгляд, скользнула им по лицам двигавшихся следом за ней парней и девушек и встретилась глазами с Андреем. Эта встреча двух взглядов – спокойного, ровного, безразличного и пылающего, нетерпеливого, исполненного ещё смутного, неосознанного, но уже несомненного и безусловного желания – длилась лишь миг, но именно он оказался для Андрея решающим и окончательно расставил всё по своим местам. У него занялся дух и

замерло сердце, когда он впервые увидел её глаза, обращённые на него. Ясные, глубокие, чуть холодноватые, с безучастным, немного скучающим и по-прежнему слегка насмешливым выражением пробежавшие по многоликой, разношёрстной, находившейся в непрестанном движении, немолчно гомонившей и галдевшей толпе. И на секунду задержавшиеся на нём, точно выхватив его из неисчислимой, пёстрой – и в то же время такой однообразной – людской массы.

От неожиданности, смущения – не очень-то свойственного ему, но в этот момент внезапно проявившегося – и ещё какого-то, ему самому не вполне понятного чувства он невольно опустил глаза. А когда спустя мгновение вновь поднял их и взглянул вперёд, на этот раз как-то нерешительно, обескуражено, почти украдкой, – она уже не смотрела на него, снова повернувшись к нему спиной и горячо обсуждая что-то с подругами.

Он тихо выдохнул, качнул головой, провёл рукой по покрасневшемуся, полыхавшему лицу, на котором выступили мелкие капельки пота. И собрался было продолжить свои наблюдения за поразившей его воображение незнакомкой, как вдруг заметил краем глаза, что за ним самими наблюдают не менее пристально и с не меньшим вниманием. Он медленно и нехотя, уже догадываясь, что он сейчас увидит, повернул голову и наткнулся на упёршийся в него сбоку острый, как пика, прямой и твёрдый взгляд Наташиных глаз, в которых, слегка затенённые длинными густыми ресницами, то и дело пробегали холодные сумрачные огоньки, обычно, как знал Андрей по опыту, не сулившие ему ничего хорошего. Однако он, всецело поглощённый в эту минуту своими новыми, неожиданными, непривычными для него ощущениями и переживаниями, проигнорировал этот не слишком добрый для него знак, явно свидетельствовавший о том, что его зоркая, проницательная, отлично изучившая и знавшая его как облупленного подруга что-то заметила, что-то сообразила, о чём-то начала догадываться. Он лишь рассеянно и равнодушно кивнул ей, натянуто улыбнулся и немедленно устремил взор в прежнем направлении, на предмет своих неожиданно для него самого вспыхнувших и разгоравшихся всё жарче желаний.

Остаток пути он пребывал далеко не в столь радужном настроении, как в первую его половину. У него как будто вдруг открылись глаза, и он, в очередной раз оглядевшись и хорошенько присмотревшись к окружающему и окружающим, понял наконец, как он заблуждался всё это время относительно самого себя и того повышенного, крайне лестного для него внимания, которое якобы было обращено на него со стороны чуть ли не всех поголовно особей женского пола, наблюдавших им вокруг. Теперь это странное и довольно забавное самоослепление, которому он бывал порой подвержен, внезапно закончилось, и он вынужден был признаться себе, что, кажется, никто, кроме Наташи, на него не смотрит, а если кто-нибудь иногда и скользнёт взглядом по его лицу или фигуре, то лишь случайно, мельком, никак не выделяя его в этом огромном многоголовом сборище, где таких, как он, молодых, внешне привлекательных, настырных, не в меру самодовольных и самонадеянных, мнящих о себе, без особых на то оснований, бог знает что, и усиленно изображающих из себя что-то, было пруд пруди.

При этом он не переставал пожирать глазами обворожившую его неизвестную красотку, в надежде, что она вновь, как минуту назад, почувствует его сосредоточенный, жгучий взгляд, не отрывавшийся от неё ни на миг, уловит исходившие от него страстные флюиды и обернётся в его сторону. И их глаза опять встретятся, но теперь уже не мимоходом, не на короткое мгновение. И скажут друг другу что-то важное, насущное, волнующее их обоих, и всё поймут, и, быть может, даже безмолвно договорятся о чём-то...

Но незнакомка, вероятно, ничего не почувствовала, не уловила никаких флюидов, которых, по-видимому, и не было вовсе, и никакого бессловесного разговора посредством одних лишь взглядов между ними не произошло. Она до самого конца пути так ни разу и не обернулась назад и даже мимолётно, даже вскользь, не говоря уж о чём-то большем, не взглянула на него. Более того, как будто зная, что кто-то из идущих сзади упорно и назойливо преследует её своим взором, и желая досадить ему, она перестала поворачивать голову по сторонам. В

результате он утратил возможность видеть её лицо даже в профиль и всю оставшуюся часть дороги вынужден был созерцать только её фигуру – хотя и это было для него сейчас немало, – высоко и гордо посаженную голову и распущенную по плечам пышную, тяжёлую копну белокурых, отливавших серебром волос, осенявших её голову точно сияющим ореолом.

Это ещё больше огорчило и расстроило Андрея, его настроение, ещё недавно бодрое и радостное, окончательно испортилось, и заключительный участок пути он прошёл хмурый, задумчивый и молчаливый. Не выкрикивал больше вместе со всеми номер школы (впрочем, и остальные, видимо слегка утомившись к концу дороги, делали это уже не так дружно и рьяно, как прежде), отвечал невнятно, сквозь зубы либо не отвечал вовсе на реплики иногда обращавшихся к нему спутников, почти не озирался вокруг, – ему было теперь совершенно всё равно, смотрит на него кто-нибудь или нет, привлекает он чьё-либо внимание или всем на него наплевать. Он был бы счастлив все эти бесчисленные взгляды, устремлявшиеся на него, обменять на один-единственный, брошенный хотя бы мельком, краем глаза, будто невзначай.

Однако именно этого неистово желаемого им взгляда он и не дождался. Незнакомка отвернулась от него, как казалось ему, навсегда и не удостоила его больше ни взором, ни жестом, ни лёгким, едва уловимым, но таким в определённых случаях значимым, красноречивым, говорящим порой больше всяких слов движением губ, ресниц, бровей...

Тем временем утратившая первоначальный порядок и стройность, заметно смешавшаяся и всё более сбивавшаяся в кучу школьная процессия оставила позади улицы и жилые кварталы и вступила на обширное, покрытое гладким изумрудным ковром свежей травы и залитое ярким палящим солнцем пустое пространство, в центре которого высилось отчётливо видимое отовсюду, царившее над окружающей местностью массивное округлое здание городской ледовой арены, напоминавшее по форме летающую тарелку, приземлившуюся на этой пустынной безлюдной окраине и оставшуюся тут навсегда. От неё во всех направлениях лучами расходилось несколько длинных аллей, разрезавших окрестные травяные поля и ведущих в город. По одной из этих аллей, самой широкой и просторной, толпа выпускников двинулась к рисовавшемуся в отдалении, на фоне прозрачного голубовато-белесого неба, внушительному серебристо-серому сооружению из стекла, металла и бетона, увенчанному продолговатым тонким шпилем, нестерпимо для глаз сверкавшему в ослепительном солнечном сиянии. А поскольку жара допекла к этому времени всех без исключения, то шествие было уже далеко не таким весёлым и шумным, как прежде. Никто уже не кричал, не хохотал, не резвился, не делал лишних движений, у всех на лицах было явственно написано желание, чтобы эта затянувшаяся прогулка поскорее подошла к концу. А так как закончить её и спастись от невыносимого зноя можно было только в стенах высившейся впереди «тарелки», то все невольно прибавили шагу и вскоре достигли чаемого приюта, где царили прохлада и лёгкий полумрак.

В ледовом дворце было примерно то же самое, что утром на школьной линейке, только на более высоком, общегородском уровне и в более чинной и официальной обстановке, то есть ещё более утомительно и скучно. Со сцены, с того места, где, в соответствии с основным назначением этого здания, расстилалось гладкое белоснежное ледяное поле и где обычно разворачивались жаркие хоккейные баталии, в заполненные выпускниками зрительные ряды неслись поздравления, пожелания, напутствия – те же самые, порой едва ли не слово в слово, какие Андрей и его одноклассники уже слышали за пару часов до этого на школьном дворе из уст директора, завучей и принарядившегося военрука. Однако теперь, когда эти однотипные, сухие, трафаретные речи произносились персонами рангом повыше, каждое слово которых, даже самое пустое, случайное или попросту неумное, должно звучать для рядового населения значительно, убедительно и веско, аудитория, словно проникшись важностью и торжественностью момента, вела себя на удивление сдержанно и тихо, слушала как будто со вниманием, в нужных местах аплодировала и даже кивала головами, точно соглашаясь со всем говорившимся. Впрочем, скорее всего, эта сдержанность и тишина объяснялись усталостью: длитель-

ная прогулка по раскалённым нещадно жарившим солнцем улицам порядочно утомила и вымотала всех.

Но продолжалось это не слишком долго. Однообразные, монотонные, бесцветные спичи, пусть даже исходившие из высокопоставленных уст, очень скоро наскучили слушателям, и они, потеряв всякий интерес – если он вообще у кого-нибудь был – к тому, что происходило и происносилось перед ними, предались более приятным и увлекательным занятиям – стали перемигиваться, пересмеиваться, переговариваться друг с другом и сообща. Сначала шёпотом, едва слышно, затем постепенно всё громче и явственнее и, наконец, чуть не в полный голос, так что вскоре над переполненными трибунами, как над потревоженным пчелиным ульем, стоял несмолкающий глухой гул, который никак не могли унять семенившие между рядами и шикавшие на говорунов директора и завучи, уже переставшие быть авторитетами для вчерашних школяров.

Одним из немногих, если не единственным, в огромном, многолюдном, гулком зале, кто сохранял молчание и не участвовал в гудевших вокруг переговорах и пересмешках, был Андрей. Но при этом он, понятное дело, не слушал и неслыхая со сцены казённых речей и лишь раз скользнул безучастным, скучающим взглядом по тучной, громоздкой фигуре, едва умещавшейся в плотно облегавшем её, казалось, готовом разойтись по швам лёгком летнем костюме, и крупному, мясистому, багровому и поблёскивавшему от пота лицу представителя министерства, который, сцепив на округлом, выпиравшем вперёд брюшке толстые короткие пальцы и уставив перед собой усталый, безразличный взор маленьких водянистых глаз, тихо, невразумительно, вяло бубнил что-то в мохнатый микрофон, по-видимому несколько не смущаясь явным невниманием аудитории и, вероятно, как едва ли не все собравшиеся, с нетерпением ожидая, когда же это неизвестно кем придуманное, никому в общем-то не нужное и не интересное, изрядно всем надоевшее мероприятие закончится и присутствующие обретут наконец желанную свободу и возможность заняться своими делами.

И, пожалуй, больше всех желал этого Андрей. Дело в том, что крайне занимавшая и волновавшая его особа, к которой были устремлены все его мысли, а вслед за ними и взоры, находилась довольно далеко от него, на другом ярусе трибун, располагавшемся гораздо выше того места, где оказался он сам. В результате всякий раз, когда ему хотелось взглянуть на неё, – а хотелось ему этого практически постоянно, и чем дальше, тем сильнее и неудержимее, – он вынужден был оборачиваться назад и взбираться острым, ищущим взглядом вверх по усеянным зрителями рядам, к тому месту, где сидела она в окружении своих одноклассников.

Однако не это было главным неудобством. Самым неприятным, стеснительным и даже, пожалуй, небезопасным было то, что эти его непрерывные повороты и выразительные, пламенные взоры, устремлявшиеся в одну точку, разумеется, не могли остаться незамеченными сидевшей рядом с ним и по-прежнему не спускавшей с него глаз Наташей. Которая ещё в дороге что-то заметила и, видимо, начала что-то подозревать; теперь же её смутные подозрения и догадки стремительно превращались в уверенность. Чем дольше и пристальнее она наблюдала за Андреем, тем яснее ей становилось, что с ним что-то творится, что за последние пару часов с ним внезапно произошло и продолжает происходить что-то непонятное, странное, пока что необъяснимое. И она со всё большим напряжением и беспокойством вглядывалась в его взволнованное, возбуждённое лицо, в его блестящие, шнырявшие по сторонам, избегавшие её глаза, силясь понять, что с ним случилось и чем эта неожиданная перемена в нём чревата для них обоих.

Но переживания подруги очень слабо волновали Андрея. Он попросту не замечал ни их, ни её саму. Он был так поглощён и захвачен своим новым, полностью поработившим и подчинившим его себе увлечением, своей прекрасной незнакомкой (про себя он уже называл её своей), настолько были заняты ею все его мысли и чувства, что для собственной девушки места в его смущённой, растревоженной душе уже почти не оставалось. Хотя она находилась совсем

рядом и он видел её то и дело обращавшиеся на него, уже не такие ясные и сияющие, как прежде, заметно потускневшие, похолодевшие, погрузневшие глаза, чувствовал её тепло, мог, если бы захотел, коснуться её неподвижно лежавшей на пластмассовом подлокотнике мягкой белой руки, которая так часто обнимала и ласкала его, – она, несмотря на эту физическую близость, представлялась ему в тот момент бесконечно далёкой, посторонней, чужой, казалась чем-то лишним, ненужным, обременительным, от чего хочется поскорее избавиться, чтобы свободно, налегке, едва ли не на крыльях устремиться к новой – яркой, влекущей, завораживающей – цели.

Однако цели этой, судя по всему, не так-то просто было достигнуть. Мало того что неизвестная по-прежнему не обращала на него ни малейшего внимания и упорно не желала замечать непрерывно метавшиеся им на неё жаркие взгляды, так у неё совершенно неожиданно обнаружился спутник. Сидевший рядом с ней крепкий широкоплечий парень со смазливой нагловатой физиономией и тёмными насмешливыми, чуть навывкате глазами, которого Андрей до этого в упор не видел, оказался не просто её соседом, а, очевидно, чем-то большим. Он вдруг непринуждённым, хозяйским жестом приобнял её за плечи, другую руку положил ей на колено и, приблизив губы к её уху, стал нащёптывать что-то, ухмыляясь и поглаживая её колено уверенными хваткими движениями.

Для Андрея это оказалось крайне неприятным сюрпризом. Его словно окатил холодный душ. Он тут же насупился, помрачнел, поник головой и, оторвав взгляд от незнакомки и её неведомо откуда объявившегося, выскочившего будто чёрт из табакерки, ухажёра, перевёл глаза на сцену, где дородный, лоснившийся от жира и блестящий от пота представитель министерства продолжал свой унылый бубнёж. Андрей был удручён, обескуражен, подавлен. Обуревавшие и одушевлявшие его радужные надежды разом увяли, померкли, разлетелись в прах, словно развеянные порывом ледяного ветра. Он точно сорвался с огромной высоты, с головокружительной сияющей вершины, которую уже мнил покорённой, и лежал теперь раздавленный и обездвиженный у её подножия. Он чувствовал себя обманутым, обиженным, одиноким, несчастным, никому не нужным.

А когда он случайно взглянул на Наташу, то почувствовал себя ещё хуже. Он встретил её усмехающийся, недобрый взгляд и понял, что она заметила внезапную перемену в его настроении, – которую, впрочем, не так уж сложно было заметить, – и, возможно, даже догадывается о её причине. А значит, и с этой стороны ничего хорошего ему ждать не приходится.

Некоторое время он пребывал в совершенном расстройстве и сидел как пришибленный, вообще ни на кого и ни на что больше не глядя, тупо уставившись себе под ноги и полузакрыв глаза, будто задремав или, во всяком случае, внутренне отгородившись от всего окружающего. До него точно издали доносился не смолкавший гул множества голосов, наполнявший громадное помещение, и временами прорывавшееся сквозь него нудное шамканье упитанного министерского посланца. Который, однако, видимо утомившись или поняв наконец, что его никто не слушает, вскоре умолк и, отдуваясь и отирая платком градом катившийся по его разморенному кирпично-красному лицу пот, с явным облегчением отошёл от микрофона и устало повалился на первое попавшееся сиденье. За этим последовала чуть более живая часть мероприятия – выступления местных полусамодельных музыкально-художественных коллективов. Но и это не пробудило интереса собравшихся, занятых исключительно общением друг с другом и не смотревших на сцену.

Не смотрел и Андрей. Только, в отличие от остальных, он ни с кем не общался и пребывал будто в прострации, казалось, ничего не видя и не слыша и целиком сосредоточившись на одной, полностью захватившей, словно опутавшей его крепкими незримыми нитями навязчивой идее. Эта застылость, отстранённость, угрюмая задумчивость продолжалась минут десять, после чего, будто помимо его воли, его голова медленно повернулась назад и неподвижные, притухшие глаза вновь устремились в уже отлично знакомом ему направлении.

И, вопреки его ожиданиям, увидели нечто любопытное и обнадеживающее. Слова и ласки соседа, судя по всему, были не очень-то приятны незнакомке. Её лицо было холодно и непроницаемо, на нём было написано явное, нескрываемое неудовольствие, она хмурилась, отвечала собеседнику сквозь зубы, поводила плечами, словно поёживаясь под его продолжавшей обнимать её рукой. А затем вдруг вздрогнула всем телом и выпрямилась, её черты исказились от гнева, как если бы она услышала в свой адрес что-то грубое и оскорбительное. Она порывистым движением, будто с отвращением, стряхнула со своих плеч и колена его руки, бросила ему в лицо что-то, по всей видимости, резкое и едкое и, вскочив с места, устремилась прочь. А парень, посидев некоторое время с несколько напряжённым и озабоченным видом, хотя стараясь казаться спокойным и точно по инерции продолжая ухмыляться, в конце концов тоже поднялся и направился вслед за ней.

Андрей, следивший за этой более чем выразительной сценой цепким, ничего не упускающим взглядом, являясь как бы третьим, пассивным, но при этом отнюдь не равнодушным её участником, как только действующие лица пропали из поля его зрения, беспокойно заворочался на месте и едва не бросился за ними следом. И лишь встретив пронизательный, колющий, казалось, видевший его насквозь и всё понимавший Наташин взгляд, вынужден был откатиться от своего намерения и, выказывая плохо скрываемые признаки нетерпения, дожидаться окончания опостылевшего всем представления.

Которое, на его счастье, закончилось через считанные минуты. Воспользовавшись этим, он, не глядя больше на Наташу и уже откровенно пренебрегая тем, что она подумает и, возможно, скажет ему потом, сорвался с места и чуть не бегом метнулся к выходу. Опередив всех, он первым выскочил из главного помещения, пронёсся по длинному полутёмному коридору и просторному пустынному фойе и, не заметив того, что интересовало его, устремился наружу. Оказавшись на обширной, залитой солнцем площадке перед дворцом, Андрей, всерьёз обеспокоенный, не опоздал ли он, огляделся по сторонам...

И облегчённо перевёл дух. Незнакомка и её парень стояли чуть поодаль, в начале убегавшей вдаль аллеи, и, о чём можно было догадаться, кинув на них лишь мимолётный взгляд, выясняли отношения. Они разговаривали на повышенных тонах, активно жестикуютировали, сверлили друг друга яростными, испепеляющими взорами. С лица у парня окончательно исчезла самоуверенно-наглая усмешка, сменившись не слишком приятным желчным, почти злобным выражением. Её же лицо по-прежнему пылало возмущением и гневом, глаза метали молнии, а с бледных подрагивавших губ, по-видимому, срывались жёсткие, хлёсткие фразы, которые обыкновенно произносятся в пылу ссоры, когда большинство сдерживающих факторов перестаёт действовать и в порыве откровенности и досады высказывается то, о чём обычно принято умалчивать.

Андрей, не спуская с них глаз, напряг слух, пытаясь уловить, что говорила девушка. И даже успел разобрать несколько слов, однако в этот момент распахнулись двери и из дворца хлынула широкая и шумная людская волна, мгновенно заполнившая пространство перед входом. В этих условиях о том, чтобы подслушать ссорившуюся парочку, не могло быть и речи, и Андрей принуждён был ограничиться наблюдением.

Парень тем временем, очевидно всерьёз задетый словами подруги, не находя больше аргументов и решив действовать силой, схватил её за руку и попытался притянуть к себе. Но не тут-то было: охваченная бешенством девушка резко вырвала свою кисть и с коротким негодующим возгласом отскочила от своего распутившего руки визави. Несколько мгновений они стояли друг против друга неподвижно, дрожа от возбуждения и впившись один в одного угрюмыми, сумрачно посверкивающими взглядами.

Первым не выдержал парень. Он передёрнул плечами, потрянул головой, вернул на своё лицо привычную нагловато-небрежную ухмылку и, бросив напоследок что-то, по всей вероят-

ности, грубое и грязное, повернулся и неспешной, непринуждённой походкой, сунув руки в карманы и слегка покачиваясь на ходу, стал удаляться.

Девушка даже не посмотрела ему вслед. Её по-прежнему сотрясала мелкая дрожь, глаза растерянно блуждали, лицо омрачилось и чуть осунулось. Она не двигалась с места, хмурила лоб и всё озиралась кругом, будто не зная, что ей теперь делать и куда идти.

Возможно, как немедленно предположил Андрей и во что ему очень хотелось верить, между этими двумя всё было кончено. Он знал, конечно, что милые бранятся – только тешатся, но, как ему показалось, это был не тот случай. И дело было даже не в том, что незнакомка и её парень прилюдно, не стесняясь окружающих, будто не замечая никого, конфликтовали, кричали друг на друга и, казалось, готовы были схватиться врукопашную. Это бы ещё ладно, это не так страшно. Андрей сумел уловить другое, почти незаметное со стороны, но гораздо более существенное. А именно – ледяной холод в глазах у обоих, презрение, отвращение, бешенство, почти гадливость в её глазах, равнодушие, пустоту, безразличие, оживлённое лишь дежурной циничной усмешкой, – в его. Так смотрят один на другого те, кто, может быть, когда-то и любили друг друга, находились в тесных отношениях, пережили яркую и волнующую историю, но у кого всё это уже в прошлом, чувства которых остыли и иссякли, кого уже ничего не связывает, кроме разве что привычки, инерции, смутных, понемногу бледнеющих и стирающихся воспоминаний...

– Ну, так мы идём или как? – внезапно прервал его размышления мягкий грудной голос с едва уловимой капризной интонацией. – Чего ты тут встал, как вкопанный?

Вздвогнув от неожиданности, Андрей поневоле оторвал взгляд от пленившей его незнакомки, которую он буквально пожирал глазами, и перевёл его на Наташу, совершенно непредвиденно оказавшуюся рядом с ним и вперившую в него неотрывный, изучающий взор.

– К-куда идём? – ещё не придя в себя, пробормотал он первое, что пришло ему в голову.

Наташа чуть скривила пухлые, налитые, как ягоды, губки.

– Домой, куда ж ещё? Я устала. И не хочу торчать здесь на солнцепёке неизвестно для чего.

Андрей замялся. Он-то, в отличие от своей подруги, прекрасно знал, для чего он здесь торчит, и понимал, что если подчинится ей сейчас и уйдёт отсюда, то, возможно, никогда больше не увидит ту, другую, которую он узнал, да и то пока только наглядно, всего пару часов назад, однако без которой, как он всё более отчётливо чувствовал, он уже не представлял себе своей жизни. Он признавал, что это не совсем нормально, что это очень смахивает на безумие, наваждение, морок, но это было именно так. И он ничего не мог с этим поделать, это было сильнее его, он не в состоянии был – да не очень-то и хотел – сопротивляться неожиданно-негаданно захватившей и понёсшей его куда-то властной, неодолимой силе.

А Наташа, стоявшая перед ним и не сводившая с него вдумчивых немигающих, казалось, всё видевших и всё понимавших глаз, сразу как-то потускнела, поблёлкла, словно отодвинулась на задний план и продолжала отстраняться всё дальше. Он смотрел на неё и как будто не видел, не замечал, не чувствовал её присутствия. И её яркая, эффектная, роскошная, даже несколько избыточная красота, так восхищавшая, покорявшая, возбуждавшая его совсем недавно, казалось, ещё вчера, и производившая неизгладимое впечатление чуть ли не на всех вокруг, тоже внезапно потеряла в его глазах всякую привлекательность, значение и ценность, в мгновение ока вытесненная и подавленная другой красотой, ослепившей его, как солнечный луч, и продолжавшей, сверкая и переливаясь, стоять перед его восхищённым взглядом. Наташина же красота оказывала на него теперь совсем другое действие: она стесняла, утомляла, раздражала, казалась чужой и враждебной. Ему порой хотелось просто закрыть глаза, чтобы не видеть её больше...

– Ну, что ты молчишь-то? – опять донёсся до него, будто издалека, нетерпеливый, резавший ему слух голос. – Ты что, ошалел от жары?.. Или, может, ещё от чего-то? – неожиданно

прибавила она уже совсем другим тоном и ещё пронизательнее, чем прежде, вонзилась в него острым, сосредоточенным взглядом.

Андрей, не выдержав его, опустил глаза и промямлил что-то невнятное. После чего, по-прежнему стараясь не упустить из виду незнакомку, украдкой метнул на неё быстрый, длившийся лишь один короткий миг взгляд.

Но и этой доли секунды для Наташи было достаточно, чтобы перехватить его и заметить, на кого он был направлен. Она немедленно взглянула туда же и некоторое время внимательно, чуть прищурившись и поджав губы, смотрела на девушку, с которой последние два часа не сводил восторженных, горевших желанием глаз Андрей. Это разглядывание продолжалось всего несколько мгновений, но они показались Андрею вечностью. Он чувствовал себя как на раскалённой сковородке, его лицо густо покраснело и покрылось испариной, он не смел поднять глаз и, пока Наташа изучала соперницу, рассматривал её блестящие кремовые туфли на высокой шпильке, нежно облежавшие маленькие изящные ступни с сетью голубоватых жилок, едва различимых под гладкой матовой кожей.

Оторвав наконец взгляд от незнакомой блондинки, стоявшей неподалёку, нервно курившей и, видимо, даже не подозревавшей, объектом какого пристального внимания она стала, Наташа перевела его на Андрея и после небольшой паузы повторила, глуховато и тихо, с лёгкой запинкой, как-то неуверенно, свой первоначальный вопрос:

– Так ты идёшь... или как?

На этот раз он не нашёл в себе сил ответить. Или, вернее, он не знал, что ответить ей. Сказать прямо и откровенно, выложить всё начистоту, признаться в том, что он думал и чувствовал в эту минуту, – нет, к этому он был ещё не готов. Да и нужных слов, скорее всего, не нашёл бы. Слишком уж смутны, путаны, расплывчаты и хаотичны были в тот момент его ощущения. Он сам не мог пока разобраться в их бурном, бешено крутившемся вихре, он едва-едва продирался сквозь их беспорядочное, бессвязное нагромождение и не представлял, понятия не имел, к чему в конце концов всё это приведёт, каков будет итог этого неслыханного, небывалого смятения чувств, равного которому, как представлялось ему, не было ещё в его жизни.

А Наташа, посмотрев недолгое время в его растерянное, немного очумелое, то красневшее, то бледневшее лицо, заглянув в его расширенные, затянутые мутной пеленой глаза, похоже, всё поняла, обо всём догадалась, всё уразумела. Пожалуй, даже то, что для него самого ещё оставалось загадкой, что только маячило в зыбкой туманной дали и лишь понемногу начинало обрисовываться и принимать более чёткие и определённые контуры. Её черты подёрнулись тенью, в глазах мелькнула неподдельная, пронзительная печаль, ярко накрашенные полные губы чуть поморщились и как будто слегка увяли. Но она перемогла себя и, с усилием, одними губами, усмехнувшись, медленно, с лёгкой дрожью в голосе проговорила:

– Ну что ж, зная тебя, этого следовало ожидать... Удачи тебе. Прощай!

И, резко повернувшись, она быстро, точно убегая от него, зашагала прочь, звонко цокая шпильками по асфальту и по неизменной привычке произвольно повиливая крутыми округлыми бёдрами, плотно обтянутыми синим муслиновым платьем.

Но, отойдя на несколько шагов, приостановилась, повернула голову и, метнув на него горящий лютой ненавистью взгляд, прошипела сквозь зубы:

– Как бы тебе не пожалеть об этом!

И после этого почти бегом, как разъярённая фурия, умчалась вдаль.

Однако ни её слова, ни её разгневанный вид не произвели на Андрея никакого впечатления. Он чисто автоматически, безучастным, словно невидящим взглядом посмотрел ей вслед, как если бы это был совершенно незнакомый ему, посторонний человек, с которым его абсолютно ничего не связывало. А затем поспешил перевести взгляд на незнакомку, докурившую к этому времени свою сигарету и, судя по всему, тоже собиравшуюся уходить. Однако в тот

самый миг, когда она уже сделала движение, чтобы повернуться и уйти, её глаза случайно встретились с его глазами.

И что-то вдруг произошло. Какая-то невидимая искра пробежала между ними. Она не отвела свой взгляд, как тогда, во время шествия, едва скользнув им по незнакомому парню, уже довольно длительное время преследовавшему её своими страстными, заглядывающими взорами. Она задержала на нём взгляд, она впервые обратила внимание, как пристально и неотступно, с почти неприкрытым вожелением он смотрит на неё, как горят его глаза, как он взволнован и взбудоражен. И это волнение и возбуждение только усилились после того, как их взгляды встретились, после того, как он почувствовал на себе её спокойный, ровный, мягкий, может быть, немного удивлённый взор. Его сердце заколотилось как сумасшедшее, голова слегка закружилась, мысли окончательно перепутались, смешались, сбились в беспорядочную кучу, из которой уже невозможно было выудить ничего определённого и толкового. Всё и все кругом – а рядом с ним теснилась и гомонила огромная толпа – вдруг перестали существовать для него, он не видел и не слышал ничего вокруг. Всё это вдруг померкло, истаяло, отодвинулось неведомо куда.

Осталась только она. Её статная точёная фигура, похожая на искусно выделанную статуэтку, облачённая в короткую полосатую майку, оставлявшую открытой часть живота, и короткую кожаную юбку, плотно облегающую её тонкий стан и подчёркивавшую его стройность и изящество. Обрамлённое пышной платиновой гривой, чуть расширенное в скулах свежее цветущее лицо, хотя и слегка опечаленное и немного бледноватое в тот момент, но сохранявшее здоровый естественный цвет, детскую нежность и бархатистость кожи. Высокий чистый лоб, чётко очерченные, немного вразлёт, брови, красиво обрисованные сочные, но не слишком полные губы, тронутые едва уловимой, почти неразличимой не то усмешкой, не то гримаской неясного значения. Но главное – глаза, слегка прищуренные, глубокие, прохладные, чуть затуманенные, глядевшие на него немного исподлобья со смешанным, неопределённым выражением. То ли с удивлением, то ли с интересом и любопытством, то ли с внезапно, ни с того ни с сего вспыхнувшей симпатией или – в чём он безотчётно пытался уверить себя, – может быть, уже с чем-то большим и значительным. Не ощутила ли она вдруг того же, что чувствовал к ней он? Не встретились ли их чувства так же, как встретились и переплелись их взгляды? Не пробежал ли по её телу тот же трепет, который не мог, да и не пытался, унять он?..

Однако ответы на эти – такие важные для него – вопросы он так и не получил. Помешали его одноклассники, заметившие его недвижимую фигуру, одиноко стоявшую среди бурлившего вокруг многолюдья, и через мгновение окружившие его оживлённой говорливой толпой. Они, к крайнему его неудовольствию и досаде, заслонили от него незнакомку, стали приставать к нему с пустыми, глупыми разговорами, куда-то звать, чему-то смеяться. Он, весь ещё во власти полонивших и будораживших его чувств, плохо понимал, чего от него хотят, обводил мельтешившие перед ним весёлые, возбуждённые, раздумывавшиеся лица хмурым, недоумевающим, потерянным взглядом и про себя посылал их ко всем чертям. И всё пытался разглядеть безраздельно владевшую его мыслями девушку, которую загородили от него без умолку болтавшие, хохотающие, тормошившие его приятели.

Но не разглядел. Её больше не было на прежнем месте. Она исчезла, как будто испарилась. Как видение, как чудесный сон, который бывает раз в жизни и не повторяется никогда. Или же её, как и его, поглотила многоголовое людское скопище, которому не было никакого дела до их переживаний и внезапно вспыхнувшего взаимного интереса, вот-вот готового перерасти во что-то большее. Во что-то серьёзное, всепоглощающее, безбрежное. Невыразимое и неопишное.

Он ещё некоторое время напряжённо и беспомощно озирался кругом, пытаясь отыскать её. Надеясь вновь увидеть, выхватить из толпы её хрупкую стройную фигуру и чуть нахмуренное задумчивое лицо, отмеченное печатью усталости, грусти и ещё чего-то, таинственного и

неуловимого. Но видел только чужие, не нужные и не интересные ему разгорячённые, раззадоренные, искажённые буйным весельем лица окружающих. А их-то он меньше всего хотел сейчас созерцать, они вызывали у него отвращение.

И чтобы не видеть их больше, он прикрыл глаза. И её образ, всё это время продолжавший стоять перед ним, стал ещё ярче, отчётливее, выпуклее. Она смотрела на него в упор, с каким-то новым, загадочным, непередаваемым выражением. Её лоб прорезала тонкая, как ниточка, чуть изгибистая морщинка. Заалевшиеся губы дрогнули, будто она хотела сказать ему что-то. А в устремлённых на него ясных, прозрачных, говоривших больше всяких слов глазах блеснули слёзы.

III

Вновь, не в первый уже раз, пережив всё это как наяву, немного взволнованный и взбудораженный этими воспоминаниями, Андрей долго не мог уснуть. Вздыхал, ворочался с боку на бок, бессмысленно пялился в темноту, одержимый одними и теми же мыслями, не оставлявшими его, не дававшими ему покоя все последние дни, с того самого мгновения, когда он впервые увидел её.

И сам не заметил, как заснул глубоким, мёртвым сном, на этот раз без всяких сновидений. А когда проснулся, стояло уже позднее утро, было около десяти. Но Андрей не спешил выбираться из постели. Спешить ему было некуда, никаких особо важных дел, да и неважных тоже, у него не было. Полная, совершенная, ничем не ограниченная свобода, которая прежде бывала лишь во время каникул. Он и эту, наступившую после выпускного и получения аттестата независимость невольно воспринимал как своего рода каникулы, ещё не вполне осознав, что это уже что-то другое, новое, неизведанное, непохожее на то, что было раньше. Ему казалось, что жизнь катится по старой, привычной колее, а она между тем незаметно и нечувствительно для него сделала крутой поворот и двинулась в совершенно ином, неведомом направлении, о котором он пока не имел ни малейшего понятия.

Он вообще старался не думать об этом. Точнее, не способен был с некоторых пор думать ни о чём, кроме неё. Белокурой голубоглазой незнакомки, сразившей его наповал и запавшей ему в сердце так, как не западала туда до этого ещё ни одна девушка. Поселившейся там как полновластная хозяйка, завладевшей всеми его чувствами без остатка, полонившей и поработившей его так, как не удавалось это сделать даже самым ярким и неотразимым красоткам, с которыми ему приходилось иметь дело. И это было тем более удивительно, что произошло это внезапно, в одно мгновение, после первого же взгляда, случайно брошенного им на неё и выхватившего её из пёстрой безликой толпы. На ум ему то и дело приходило пошлое, истасканное выражение: «любовь с первого взгляда», каждый раз вызывая у него ироническую усмешку. Но она быстро исчезала, когда он, возможно, впервые в жизни, вдумываясь в это серьёзно, глубоко и беспристрастно, отбрасывая ложный стыд, легкомыслие и глупые мальчишеские предрассудки. И вынужден был признать, что так оно и было на самом деле. Да, это была именно она, самая настоящая любовь с первого взгляда! О которой так много и часто говорят, походя упоминают её как заезженное клише, не вкладывая в это словосочетание никакого смысла, не придавая ему особого значения, порой просто не понимая его.

Для Андрея же это вроде бы отвлечённое понятие совершенно неожиданно наполнилось вполне конкретным содержанием. Это было как вспышка молнии, разорвавшая окутывавшую его крошечную тьму, о которой он даже не подозревал, и озарившая то главное и, возможно, единственное, ради чего и стоит жить. Он ещё не осознавал этого в полной мере, лишь смутно догадывался, нащупывал, прозревал эту истину, мелькавшую перед ним в зыбкой колеблющейся дымке и лишь изредка выплывавшую из неё и принимавшую более определённые очертания...

Весь во власти этих томных, волнующих дум, то приятных, опьяняющих, влекущих в какую-то безбрежную сияющую даль, то беспокоящих, тревожных, ни с того ни с сего рождавших в душе беспричинное смутение, почти страх, Андрей поднялся, наконец, с постели и, позёывая и хмуро озираясь кругом, побрёл на кухню. Хотя есть ему не особенно хотелось, он тем не менее машинально открыл холодильник и некоторое время глядел туда бездумным зашпанным взором, переводя его с одного отделения на другое и всё пытаясь сообразить, что же ему тут нужно. Так и не сообразив, закрыл дверцу и минуту-другую стоял посреди кухни, продолжая время от времени зевать и медленно вращая мутноватыми, припухлыми от долгого

сна глазами. Затем, опять-таки чисто автоматически, зажёл горелку на плите и поставил на неё чайник. После чего, обратив внимание, что в квартире душно, открыл окно и выглянул наружу.

Взгляд его упёрся в обильную густую зелень, наполнявшую огороженные заборами палисадники, вытянувшиеся во всю длину двора и занимавшие большую его часть. Рослые кряжистые деревья высились напротив окон и протягивали к ним длинные корявые ветви, обросшие пышной мохнатой листвой, распространявшей тонкий приятный запах. Андрей, раздвигая ноздри, с удовольствием втянул его в себя и, облокотившись на подоконник, обратил взгляд вперёд, сквозь переплёт ветвей и нагромождение листвы. Взор невольно отдыхал в этой уютной тенистой мгле, составлявшей резкий контраст с царившим вокруг ослепительным, нестерпимым для глаз блеском солнца, уже недели две, если не больше, нещадно опалявшего жгучим зноем истомлённую, иссохшую, казалось, готовую потрескаться землю и её обитателей.

И спустя какое-то время ему почудилось, что в этом мягком зелёном сумраке он угадывает утончённые бледные черты, виденные им всего лишь раз, но так прочно запечатлевшиеся в его памяти, что никакие силы, наверное, не в состоянии были бы изгладить их оттуда. Все последние дни он видел их постоянно, то тут, то там, днём и ночью, во сне и наяву. Они появлялись перед его мысленным взором то расплывчатые, едва уловимые, словно окутанные и скрадываемые плотной дымкой, в конце концов поглощавшей их, то совершенно ясно, отчётливо, будто живую. И тогда он мог различить мельчайшую чёрточку этого лица, вдруг ставшего бесконечно дорогим для него, необходимым ему, неповторимым и незаменимым. И он, пользуясь этими то и дело возникавшими перед ним на удивление явственными, почти осязаемыми видениями, до самозабвения вглядывался в это неподвижное, замкнутое, чуть задумчивое и немного грустное, но такое невыразимо прекрасное, одухотворённое, будто осенённое внутренним светом лицо, пытаясь понять, прочесть по нему, догадаться, о чём она так напряжённо думает, в чём причина её грусти, что её заботит и печалит, какая тайная невзгода тяготит её сердце. Но ничего не понимал, ни о чём не догадывался. Просто смотрел на неё не отрываясь, широко распахнутыми остановившимися глазами, чувствуя, как замирает от сладкого томления сердце, кружит голову, а глаза застилает светлая радужная пелена, как если бы он надел розовые очки...

Тонко и пронзительно засвистевший чайник прервал его размышления и рассеял маячивший перед ним пленительный облик. Поневоле – и не без сожаления – вернувшись к действительности, он снял не перестававший заливать, исходивший клубами горячего пара чайник, налил кипятка в чашку, добавил туда заварки и, сев за стол, уставился на тёмную дымившуюся жидкость. Затем, подняв глаза, заметил приготовленный для него мамой завтрак, на который прежде не обратил внимания, аккуратно прикрытый салфеткой. Он медленно стал к ней и равнодушно взглянул на аппетитно выглядывшую снедь – подрумяненные, ещё тёплые пирожки, поджаренные кусочки мяса, творог со сметаной. Взглянул и отвёл глаза. Вот уже несколько дней, с той самой памятной встречи, грозившей совершенно перевернуть его жизнь, он страдал почти полным отсутствием аппетита, ел очень мало и через силу, заставляя себя. Кусок не лез ему в горло. Оно точно сжалось, окостенело и не принимало пищу, выталкивая её обратно. В общем, и в этом отношении его состояние было состоянием типичного влюблённого, полностью сосредоточенного на предмете своей любви, ничего и никого вокруг не замечающего, потерявшего интерес ко всему на свете и живущего в мире своих фантазий и смутных планов на будущее, к реализации которых он по какой-то непонятной причине не спешил приступить, каждый день откладывая это на завтра.

Подумав об этом, Андрей нахмурился и покачал головой. Он сам бы не сумел объяснить причину этой странной, нехарактерной для него пассивности, заторможенности, замедленности реакций. Он просто не узнавал себя. Обычно в таких ситуациях он не терялся, не пасовал перед возможными затруднениями и смело, даже дерзко, хотя не всегда обду-

манно, брался за дело, отчаянно, очертя голову бросаясь на приступ. Преодолевал самые сложные, на первый взгляд неодолимые препятствия, рассматривая каждую облюбованную им красотку как своего рода крепость, для взятия которой требовалось приложить максимум усилий, выдержки, смекалки. И, как правило, добивался своего. Энергия, настойчивость, изобретательность, бешеный напор, помноженные на природное обаяние и видную внешность, в большинстве случаев приносили блестящий результат. Эти подвиги закрепили за Андреем репутацию завзятого сердцееда и покорителя девичьих сердец, не пропускающего ни одной юбки. Что было, конечно, некоторым преувеличением, но не вызвало у него возражений, льстя его самолюбию и резко повышая его и без того совсем не низкую самооценку.

Разумеется, случались в его бурной и весьма плодотворной деятельности на этом поприще и проколы, и досадные недоразумения, и иной раз самые настоящие провалы, слегка обескураживавшие его и больно бившие по его крайне чувствительному в этом вопросе самолюбию. Однако подобных инцидентов, которые он старался поскорее вычёркивать из памяти, было сравнительно немного, и это были скорее исключения, подтверждающие правило. А потому его реноме среди всех знавших его оставалось достаточно прочным и незыблемым.

И вот вдруг ничего этого. Ни задора, ни дерзости, ни напора, обычно обеспечивавших ему успех и победу. А вместо этого постоянная задумчивость, колебания, сомнения, становившиеся порой невыносимыми, порядочно изводившие и изматывавшие его, ставившие его в тупик. Хотя, казалось бы, надо было действовать. И немедленно! Никаких причин для промедления не было. Да и незнакомка была теперь не так уж незнакома ему. Он уже знал, как её зовут, где она живёт, какую школу окончила. У них, как выяснилось, имелись общие приятели, и было даже удивительно, что они не встретились раньше. Хотя, может быть, и встречались, но просмотрели один другого, не обратили друг на друга внимания, разминулись. Правда, Андрей не очень-то верил в это: было бы совершенно невероятно, если бы он, даже краем глаза заметив эту дивную, необыкновенную красавицу, остался бы безучастен и не сделал бы попытки сойтись с ней поближе. Ведь достаточно было одного мимолётного взгляда, случайно брошенного им на неё во время школьной процессии, чтобы он вспыхнул, как солома, к которой поднесли зажигалку. И загоревшийся в нём тогда огонь не стихал, не гас, а разгорался всё ярче и неистовее, освещая и то, что было внутри его, и вовне, каким-то необычным, диковинным, по-новому озарявшим всё светом.

Однако, как ни странно, это почему-то не подвигало его к активным действиям, которые логично было бы ожидать от него, учитывая силу и жар охвативших его чувств. Он всё медлил, раздумывал, колебался, будто ожидая чего-то. Или, может быть, немного испугавшись этого буйного, невиданного, сметающего всё на своём пути шквала эмоций, нежданно-негаданно налетевших на него и потрясших его существо до основания. Или же непонятно отчего рассчитывая, что всё устроится и уладится как-то само собой, без всяких усилий с его стороны, помимо него, но при этом к максимальной для него выгоде. По этой же причине он избегал общения с Наташей, не виделся с ней, не звонил и не писал ей с того самого дня, когда они так некрасиво и нелепо расстались. Он понимал, что ему нечего больше сказать ей, что между ними всё кончено, что его любовь к ней, когда-то горячая и страстная, но давно уже сильно поостывшая и давшая заметные трещины, теперь, после происшедшего на днях, умерла раз и навсегда, растаяла, потухла, как перегоревшая свеча. В его сердце властно, как у себя дома, расположилась другая, и прежней, износившейся, исчахшей, прискучившей ему любви там уже не было места. Оставалось только констатировать этот факт и сказать обо всём Наташе. Которая, впрочем, по всей видимости, и сама уже догадывалась о том, что их довольно длительная – продолжавшаяся около полутора лет – любовная история подошла к своему завершению и канула в Лету.

Андрей протяжно вздохнул, отхлебнул немного остывший чай и, повернув голову к окну, остановил неподвижный задумчивый взгляд на протянувшейся почти к самому подоконнику

массивной широкой ветви, опушённой яркой кудрявой листвой. Тут же забыв о Наташе, лишь на мгновение промелькнувшей в его памяти, как смутная, понемногу редевшая и таявшая тень прошлого, он немедленно вернулся к мыслям об Оле – именно так звали новую, бурно ворвавшуюся в его жизнь, ошеломившую и взбаламутившую его любовь. Он отлично понимал, что дальше так продолжаться не может, что необходимо наконец что-то предпринять, сдвинуть дело с мёртвой точки. Тем более что обстоятельства явно благоприятствовали ему: прямо у него на глазах она поссорилась со своим парнем, и, как он отметил уже тогда, это, вероятнее всего, не была обычная размолвка, за которой следует быстрое примирение. Тут, очевидно, всё было гораздо серьёзнее. Судя по всему, это был окончательный и бесповоротный разрыв, после которого уже не может быть возврата к прошлому. Когда все связи разорваны, все счёты покончены, все мосты сожжены. Когда не остаётся ничего иного, кроме как предать прошлое забвению и, не оглядываясь назад, не предаваясь бесплодным сожалениям, двигаться, как бы ни было трудно, вперёд.

Но вот как раз таки с этим самым движением у Андрея ни с того ни с сего обнаружались серьёзные сложности, которые он никак не мог преодолеть. Всё вроде бы было легко и просто: он встретил очаровательную девушку, в которую влюбился без памяти и которая, по всей видимости, была свободна. К своей собственной подруге он к этому моменту совершенно охладел и их расставание было только вопросом времени; его неожиданная влюблённость лишь ускорила дело. Словом, для него не существовало никаких видимых препятствий, чтобы от сумбурных мыслей и переживаний перейти наконец к действиям и, как он любил выражаться в подобных случаях, взять быка за рога. Однако он почему-то не делал этого. Мялся, томился, вздыхал, изобретал разнообразные, по большей части пустые и вздорные преграды на пути к цели, изыскивал всевозможные оправдания для своего бездействия, опять-таки в большинстве своём надуманные и дутые. А главное, никак не мог уразуметь, что же с ним такое творится, в чём причина его странного, необъяснимого и небывалого бессилия, инертности, апатии, овладевших им именно в тот момент, когда ему жизненно необходимы были энергия, уверенность в себе, воля к победе. Ведь любовь, а тем более страсть, – а то, что он чувствовал, было самой настоящей страстью, другого слова тут нельзя было подобрать, – обычно стимулирует и вызывает к жизни именно эти качества, пробуждая человека от душевной спячки, вырывая его из замкнутого круга обыденности и привычки, заставляя позабыть об осторожности, осмотрительности, умеренности, зачастую об элементарном здравом смысле, бросая его в самое пекло борьбы, порой без всякой надежды на успех, и в конечном итоге чаще всего помогая ему добиться заветной цели.

Но с Андреем, к его же собственному недоумению, всё произошло ровно наоборот. Внезапно нахлынувшая на него безумная любовь не укрепила его, не влила в него новые силы, не вдохновила его пусть не на подвиги, но хоть на какую-то мало-мальскую активность, которая наверняка помогла бы ему добиться желаемого, а, напротив, обессилила его, выбила из колеи, лишила остатков воли и погрузила в такую глубокую – и, похоже, продолжавшую углубляться – пучину бездеятельности и почти физического изнеможения, что это состояние начинало уже всерьёз беспокоить его.

В конце концов в голову ему, пробившись сквозь наполнявший её ворох бессвязных и бестолковых мыслей, пришло одно здравое рассуждение: глядя в раскрытое окно, на сочную цветущую зелень, залитую обильным солнечным светом, Андрей пришёл к выводу, что ему нужно выйти прогуляться. Он, усиленно предаваясь унылым, депрессивным размышлениям, безвылазно сидел дома уже несколько дней, с самого выпускного вечера, на котором он был мрачен как туча и с которого ушёл раньше всех, и это добровольное затворничество явно не пошло ему на пользу. Он стал бледен, подавлен, угрюм, раздражался из-за каждого пустяка, конфликтовал с родителями, резко, а порой и грубо отказывал приятелям, пытавшимся рас-

шевелить его и вытянуть куда-нибудь развлечься. В итоге он не на шутку рассорился с некоторыми из них, они послали его подальше и оставили в покое, наедине с собой.

Но вот наступил момент, когда он сам уразумел, что одиночество, полная отрешённость от окружающего и сосредоточенность, постепенно перешедшая в заикленность, на своих сложных, путаных и чем дальше, тем больше запутывавшихся чувствах и переживаниях ни к чему хорошему его не приведут. Что всё это вполне может закончиться для него весьма печально, если он не стряхнёт с себя охватившее его странное, необъяснимое оцепенение, не возьмёт себя в руки и не начнёт делать хоть что-то, не вернётся к нормальной, обычной жизни, так круто прерванной после памятной, оглушившей его как обухом встречи. Хотя он понимал при этом – или, вернее, догадывался, улавливал на уровне подсознания, – что жить прежней, устоявшейся, привычной жизнью у него уже вряд ли получится. Что-то будто сломалось в нём, ушло безвозвратно, рассыпалось в прах. Ему казалось порой, что за эти несколько дней он как будто сделался другим человеком, ну или, во всяком случае, изменился настолько, что едва узнавал себя. И это было тем более поразительно, что причиной такой резкой и вроде бы безосновательной перемены было даже не знакомство, не связь, а всего-навсего несколько взглядов, которыми он обменялся с неизвестной красоткой, словно опутавшей его тонкими, незримыми, но при этом мощными, неразрывными путами. «Прям ведьма какая-то!» – думал он порой, когда перед ним в очередной раз всплывал образ прекрасной незнакомки, не сводившей с него внимательных мерцающих, с лёгким прищуром глаз и кривившей губы в тонкой, чуть уловимой усмешке.

Стремясь сбросить с себя иго тяжких, подавлявших его раздумий, в которых он застрял как в тенетах и уже не представлял, как выпутаться из них, да и попросту опасаясь с некоторых пор сойти от всего этого с ума, он наконец нашёл в себе силы хоть немного отрезвиться от владевшего им любовного дурмана, взглянуть на ситуацию по возможности спокойно и трезво и обдумать свои дальнейшие действия. А чтобы лучше думалось и мысли не разбредались в разные стороны и не сбивались то и дело на посторонние предметы, он посчитал нужным выбраться из дому и немного забыться среди уличного шума и многолюдства.

IV

Едва он вышел из подъезда, как ощутил пахнувший ему в лицо и быстро объявший всё тело жар. Воздух был такой плотный, густой и горячий, что им трудно было дышать; он обжигал носоглотку и, казалось, сами лёгкие. Вдохнув его пару раз, Андрей едва не поперхнулся, словно глотнув чересчур крепкого алкоголя. У него даже пропало было желание идти куда-то и он хотел уже повернуть назад. Но пересилил себя, кое-как отдышался и, хотя и с трудом, но привыкая к невероятному зною, от которого захватывало дух и сдавливало грудь, двинулся прочь со двора.

На улице атмосфера была, пожалуй, ещё невыносимее. Во дворе жару хоть немного смягчала и умеряла заполнявшая его буйная растительность, поглощавшая большую часть мощного солнечного сияния. В городе же никаких препятствий для жгучего, висевшего в самом центре неба солнца не было. Его палящие, обжигающие лучи падали на землю отвесно, преследуя, подавляя и буквально уничтожая всё живое. Жизнь здесь как будто замерла, практически прекратилась, заглохла. Было тихо, почти не было видно прохожих, лишь изредка проезжали машины. Город будто вымер, или, вернее, его умертвило стоявшее в зените огромное пламенеющее светило, словно задавшееся целью испепелить землю и её истомлённых, измученных, попрятавшихся кто куда обитателей.

Андрей, приостановившись на мгновение у выхода из двора, окинул хмурым взором пустынную, обезлюдевшую улицу, на которой лишь иногда, будто невзначай, показывались одинокие, едва волочившие ноги пешеходы, тут же куда-то пропадавшие, точно проваливавшиеся сквозь землю. Впрочем, он, побыв вне дома считанные минуты, и сам уже не прочь был бы провалиться куда-нибудь, так как с трудом представлял себе, как можно существовать в условиях такой дикой, экстремальной жары. Он опять, как и на пороге подъезда, заколебался, стоит ли ему испытывать свою весьма сомнительную, как он знал, жароустойчивость и подвергать своё драгоценное здоровье вполне реальной угрозе. Не вернуться ли домой, где кондиционер избавит его от этого жуткого, поистине адского зноя и даст ему приятную, расслабляющую прохладу, которой так не хватало сейчас тем, кто, как и он, рискнул выбраться из дому и бродил бог знает зачем по раскалённой, как сковорода, обжигавшей подошвы земле.

Но он вновь сделал над собой усилие и, шумно вдыхая в себя горячий, неподвижный, будто окаменевший, воздух, зашагал вперёд, не очень-то задумываясь о том, куда он идёт, словно пытаясь убежать от преследовавших его по пятам тягучих, выматывающих мыслей. Однако они не спешили оставлять его в покое, они двинулись следом за ним, продолжая тревожить его, досаждают ему, жалить его, точно осы. И образ незнакомки тоже не переставал преследовать его, мельтеша у него перед глазами, расплываясь и почти пропадая, но затем вновь появляясь обновлённым, более ясным, чётким, ещё более притягательным и соблазнительным. Безумие продолжалось. От него оказалось невозможным избавиться, просто убежав из дому.

Хоть чуть-чуть отвлечься от осаждавших и донимавших его дум ему удалось, когда он, кое-как одолев два квартала – совсем небольшое расстояние, показавшееся ему сейчас невероятно длинным, – добрался до центральной площади, той самой, с которой на днях началось приснопамятное шествие выпускников, имевшее для него такие неожиданные и неоднозначные последствия. В отличие от окрестных улиц, с которых агрессивно палившее солнце изгнало малейшие проявления жизни, здесь было многолюдно и шумно. Истерзанные жарой люди пытались спастись от неё под широкими плотными навесами, протянутыми вдоль окраин площади, под которыми царил если не прохлада – добиться этого при такой погоде не представлялось возможным, – то хотя бы не такой неистовый, непереносимый зной, который стоял на солнцепёке. В густой тени, застывшей под навесами, возле бесчисленных столиков, устав-

ленных всевозможными, на любой вкус, прохладительными напитками, сидели, а чаще полулежали обессиленные, измождённые, покрасневшие и блестящие от пота горожане, старавшиеся не делать лишних движений и только едва ворочавшие кругом стеклянными, слегка очумелыми глазами. Их истощённых, иссякших сил хватало лишь на то, чтобы периодически подносить к пересохшим, истомлённым непроходящей жаждой губам холодный напиток и, с наслаждением влив его в себя, в течение нескольких минут ощущать разливавшуюся по перегретым внутренностям неизъяснимо приятную, божественную прохладу. Пришибленные жарой люди чем-то напоминали зверей в зоопарке, которые в летнее пекло утрачивают свою обычную живость, впадают в протрацию и, обездвиженные, вялые, безразличные ко всему, равнодушно и отупело взирают на глазающую на них публику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.